

АВТОНОМИСТСКИЕ ИДЕИ НА ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ (1921-1926гг.)

В.С.Мисиюк

Брестский государственный технический университет, г.Брест, Беларусь

Идея национально-территориальной автономии зародилась под влиянием Французской революции 1789 и революций 1848 года. Волна национально-освободительного движения заставила европейскую общественность обратить внимание на проблему межнациональных отношений. В качестве одной из возможных моделей решений национального вопроса предлагалось создание многонациональных федераций. Особое внимание вопросам автономии уделяли социалисты. В Австро-Венгрии социал-демократы в 1899 году приняли т.н. Брюннскую программу, которая целиком была посвящена национальному вопросу, а конкретно проблеме преобразования империи в федерацию с широкими правами национальных автономий. Национально-территориальная автономия воспринималась социалистами как метод достижения наиболее справедливого социального и национального устройства, при котором было бы не возможным ущемление чьих-то прав. Право на автономное существование позволяло сохранить устоявшиеся партнерские связи с другими народами, а также законодательно ограничить возможности роста шовинизма. Как писала пресса в 1918 году «федерация является более высоким типом сосуществования народов, чем сепаратно-государственное существование». [3, 187].

Автономистские идеи зародились в среде белорусской и украинской политической элиты в середине XIX века. Декларация права белорусского и украинского народов на суверенитет в 1917 году не исключала существования этих наций в многонациональном федеративном государстве. Напротив, как Третий универсал Центральной Рады провозглашавший образование Украинской народной республики, так и Первая уставная грамота Исполкома совета Всебелорусского съезда провозглашавшая образование Белорусской народной республики подчеркивали, что эти республики являются автономными единицами Российской федерации.

В 1918 году появляются Белорусская партия социалистов-федералистов и Украинская партия социалистов-федералистов. Их представители занимали высшие должностные посты в упомянутых выше республиках, их программные положения влияли на умы тысяч членов этих организаций, а также, что важно, их лидеры вели переговоры с польским правительством о возможности образования федерации. В годы советско-польской войны 1919-21 годов идея федерализма пропагандировалась польскими правительственными кругами, в частности Ю.Пилсудским. В апреле 1920 года был подписан Ю.Пилсудским и С.Петлюрой был подписан союзнический договор в котором предполагалось образование конфедерации обеих республик.

Рижский мирный договор гарантировал меньшинствам соблюдение их национальных прав в рамках польского государства. Данный пункт договора рассматривались лидерами национальных движений как гарантия их территориальной национально-культурной автономии. Послы, избранные Блоком национальных меньшинства, призывали население требовать, чтобы на всех уровнях администрации там, где данная национальность преобладает, эти должности занимали именно их соплеменники. Представители Украинского парламентарного клуба активно пропагандировали идею территориальной автономии. Заместитель председателя клуба С.Пидгирский выступил в Сейм с такими словами: «Сосуществование это (с польским народом – авт.) понимаем как то, что украинскому народу, ныне находящемуся в

общих с польским народом границах, гарантировано будет право на самоопределение, право решать свою судьбу. ... Без уважения этого права будет это не сосуществование, но господство польского народа над украинским» [2, 70].

Однако события развивались далеко не так, как этого хотелось бы автономистам. Государственный интерес приводил к регулярным нарушениям конституционных прав населения. Одним из грубейших нарушений был запрет на проведение в 1924 году Пинске конгресса национальных меньшинств. В то же самое время в волыньском воеводстве произошел ряд вопиющих отступлений от принципов демократии (лишение прав посольской неприкосновенности и массовые аресты членов национально-освободительного движения). Этот и другие более мелкие прецеденты постепенно разрушали веру в возможность конструктивного диалога о федеративном будущем Второй Речи Посполитой.

Ситуация накалилась летом 1924 года, когда в Сейме рассматривался ряд важнейших законопроектов: закон о государственном и административном языке, закон о языке в судебном и нотариальном делопроизводстве и закон о организации школьного образования. Принятые законы отражали ассимиляторскую направленность польской политики на землях населенных меньшинствами. В них не было предусмотрено эффективных механизмов реализации права на национально-культурную автономию. За польским языком и польской культурой юридически было закреплено право на экспансию в восточных воеводствах страны. В это же время усилилось давление на православную церковь (в делопроизводство вводился польский язык, ряд церквей был передан римо-католической церкви). С открытым осуждением принятых в июне законов выступил, избранный на Полесье, украинский посол С.Хруцкий. Он также осудил проводимую политику регионализации (членения этнически однородных территорий и особого режима в отдельных провинциях: запрет на открытие школ, распространения прессы, деятельности организаций из других регионов страны, проведение собраний и т.д.) [2, 74].

Дебаты над законами о языке превратили в героя дня Бронислава Тарашкевича. В эти дни его авторитет среди белорусов безмерно вырос. На выборах в сейм Б.Тарашкевич шел с лозунгами территориальной автономии для белорусов. Его частые переговоры с правительственными кругами по этому вопросу, дали повод оппонентам называть его единственным белорусом-полонифилом, избранным в парламент. Однако, непрекращающиеся нарушения национальных прав белорусов, постепенно превращали его из оптимиста в скептика. Зимой 1924 года Тарашкевич выступил в прессе о тезисом том, что ожидать от белорусов патриотического отношения к Второй Речи-Посполитой абсурдно, т.к. с ними в этом государстве мало считаются. И все же еще в середине марта 1924 года он оставался жгучим сторонником существования в польском государстве белорусской автономии [7, 3]. Все изменили дебаты над законами о языке. Тарашкевич обрушился с критикой существующей политической системы. Говорил о открытом нарушении статей конституции и принятых международных обязательств. Ни в сеймом, ни конституцией не были гарантированы права белорусов на территориальную автономию. В самом регионе нарушались даже простейшие гражданские права населения, не говоря уже о отсутствии доброй воли у местной администрации участвовать в становлении белорусской автономии. В своем выступлении он неоднократно обращался к праву белорусского народа на автономию: «*Ещё польский шляхтич или приезжий, или ополчившийся в течении нескольких веков жил трудом украинского или белорусского крестьянина, из этого, дорогие мои господа, еще не следует для вас,*

что вы имеете права на нашу землю, или наши души, помните об этом» [2; 75]. Тарашкевич особо обращал внимание на то, что это право не является досужим вымыслом, но жизненной необходимостью. Только оно могло бы позволить белорусам и полякам без ущерба друг для друга успешно развиваться. «Территориальная автономия не смогла бы решить (белорусский) вопрос, но может быть на определенное время стала бы заплаткой (над пропастью в белорусско-польских отношениях – авт.)» [1; 153]. Парламентское большинство отказалось воспользоваться этой возможностью. Окончание периода автономизма в белорусском движении на Западной Белоруссии ознаменовало полный переход белорусских послов в оппозицию к проводимой политике.

После майского переворота 12-14.05.1926 года надежды национальных меньшинств на обретение скорой автономии окончательно рухнули. Ю.Пилсудский, возглавивший государственный переворот, ни словом не обмолвился о своей прежней федералистской позиции. Политика ассимиляции в отношении меньшинств набирала обороты по мере усиления, установившегося в стране, авторитарного режима. Даже на производстве на территории Западной Белоруссии зафиксированы случаи увольнения рабочих-белорусов за не знание польского языка [6; 119]. Подобные случаи ставили под сомнение возможность польско-белорусского диалога.

В последующие годы идея автономизма все же не была утрачена, ее подхватили влиятельные центристские Украинское национально-демократическое объединение и белорусский Центросоюз. В газете «Наперад», выражавшей позиции Центросоюза, появилась статья «Польский ревизионализм и Западная Белоруссия» [8]. Автор утверждал, что Западная Белоруссия должна пониматься как регион, а не провинция. Она является частью единого целого – территории белорусской нации. В Польше эта часть образует самостоятельную единицу, которая должна рассматриваться как единый регион с присущей ему экономической и культурной спецификой. Эти особенности должны приниматься во внимание правительством и обществом при принятии различного рода решений. В следующих номерах газеты появилась статья «Новогрудок или Барановичи» [9], в которой автор затронул вопрос грядущей административной реформы в Новогрудском воеводстве. По его мнению, несправедливо то, что на этой территории белорусское большинство вынуждено дорого оплачивать культурные потребности польского народа, не имея возможности удовлетворять свои. В комментариях к статье, редакция газеты поместила свою позицию по вопросу территориально-административного устройства, которая абсолютно совпала с предыдущей и отстаивала идею национально-территориальной автономии. С точки зрения редакции, лучшим выходом из сложившейся ситуации было бы объединение всех белорусских земель в одну административную единицу с центром в Вильно. В ее состав должны были бы войти Виленское, Новогрудское и Полесское воеводства целиком и Белостокское частично. При этом прежнее членение Западной Белоруссии на воеводства должно было быть ликвидировано. Не только газета «Наперад», но и «Беларускае слова», «Беларускі зван», в 30-е годы XX столетия продолжали пропагандировать идею белорусской автономии в возможной польско-белорусской федерации [6; 118].

Наличие или отсутствие национально-территориальной автономии превратилось в веский аргумент, с которым обращались к населению лидеры национального движения, влиятельные политические партии. На посольском вече под Брестом Иосиф Скрыпа и Андрей Пашук отмечали, что положение населения тяжело в частности потому, что у него нет гарантированных прав на языковую автономию [4; 1]. Политическая оппозиция (ППС-

Клуб Працы, ПСЛ-Вызволена, Стронніцтва Хлопске) использовали идею автономии в переговорах с национальными меньшинствами. За поддержку со стороны национальных меньшинств им, в случае победы упомянутых партий, гарантировались национальные квоты в администрации (посты школьных кураторов и инспекторов) в местах компактного проживания, финансирование национальных школ и т.д. [5, 25]. Благодаря этому сотрудничеству впервые удалось создать парламентское большинство конструктивно настроенное на диалог с меньшинствами. Однако, т.н. «брестские процессы» над Центролевом, начавшиеся 10 сентября 1930 года, в очередной раз сорвали процесс получения меньшинствами автономии.

Тезис о том, что федеративное устройство позволит сгладить назревшие национальные конфликты многонационального государства, был достаточно идеалистичен. И все же, свести его лишь до уровня нежизнеспособной политической концепции было бы ошибкой. Распространение автономистских идей интересно как явление, способствовавшее процессу модернизации населения Западной Белоруссии, трансформации традиционных общинно-корпоративных структур в национальные. Право на национально-территориальную автономию предполагало появление целого ряда новых социальных институтов (национальной системы образования, церкви, администрации, рынка и т.д.). Требование автономии позволяло осмыслить значимости исторического, экономического и этнокультурного единства региона. Представитель национальной организации одновременно становился представителем интересов населения не просто провинции, но всей исторически сложившейся территориальной общности - региона. Оба эти процесса (становление нации современного и выделение национально-территориальной административной единицы) взаимосвязаны. В частности, борьба за признание части северно-восточных воеводств Второй РечиПсполитой территорией Западной Белоруссии была равнозначна борьбе за признание за белорусами права на национальную автономию в рамках этого государства. Само мышление в дихотомических категориях (западный и восточный регионы) прививало населению мысль о возможности появления единой национальной государственности. В условиях отсутствия государственного суверенитета автономистские идеи были мощным фактором национальной интеграции населения. Дискуссия о автономии способствовала распространению белорусской и украинской идей среди лиц с локальной самоидентификацией, вовлечению в ряды национального движения новых сторонников. Объединение усилий в борьбе за право самостоятельно распоряжаться судьбой своего региона и его культурных традиций способствовало процессу национализации восточнославянского населения Западной Белоруссии. Декларация права на национальную автономию способствовала воспитанию гражданственности и национально ориентированного мышления у широких народных масс.

Литература:

1. Bergman A. Sprawy białoruskie w II Rzeczypospolitej – Warszawa: PWN, 1984. - s.287.
2. Torzecki R. Kwestia ukraińska w Polsce w latach 1923-29 – Warszawa: Wydawnictwo Literackie, 1989 - s.468.
3. Дорошенко Д. Історія України 1917-1923рр. т.1 – Ужгород, 1932. - с.456.
4. Государственный архив Брестской области ф.67оп.1д.769.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) ф.242оп.1д.99.
6. НАРБ ф.242оп.1д.539.
7. НАРБ ф.242оп.1д.541.
8. Наперад. – 1930 - №5.
9. Наперад. – 1930 - №9.